

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246
EDN: LZPXUS

РОМАН Х.Д. ЖИРОВА «ПРОБУЖДЕНИЕ ГОР»

Пётр Константинович Чекалов

Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Аннотация. Роману Х.Д. Жирова «Пробуждение гор» посвящены две специальные работы В.Б. Тугова, две страницы в монографии Л.М. Чмыхова, три рецензии в русскоязычных газетах. Данная статья, не повторяя сказанного ранее, предлагает новое прочтение с позиции современности. Исследуется история создания произведения, начиная с первых упоминаний о нем, публикаций фрагментов в периодической печати и коллективных сборниках; использованные архивные материалы проливают свет на прохождение обсуждения рукописи на заседании национальной литературной секции, представлены первые отзывы абазинских писателей и критиков. Далее автор предлагает собственный анализ литературного текста, обращая внимание на художественные детали, динамизм событий первых глав, пейзаж, портрет, социальное положение героя, его взаимоотношения с хозяевами, соответствие представленных картин жизненной правде. Отмечаются также и свойственные роману изъяны: рыхлость композиции, отсутствие психологизма, мотивировки поступков персонажей, внутренней обусловленности перехода от одной главы к другой, отход от принципов реализма. Все эти особенности не просто декларируются, а выводятся из интерпретации текста. Статья завершается мыслью о том, что представленный роман является преимущественно искусственным созданием, выполненным по социальному заказу времени.

Ключевые слова: Жиров, «Пробуждение гор», роман, историко-революционный, герой, сюжет, композиция, принцип реализма.

Для цитирования: Чекалов П.К. Роман Х.Д. Жирова «Пробуждение гор» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 229-246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246. EDN: LZPXUS.

© Чекалов П.К., 2025

Original article

ROMAN H.D. ZHIROV «AWAKENING OF THE MOUNTAINS»

Petr K. Chekalov

Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies named after H.H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Abstract. Roman H.D. Zhirov «Awakening of the Mountains» is devoted to two special works by V.B. Tugov, two pages in the monograph by L.M. Chmikhov, three reviews in Russian-speaking newspapers. This article, without repeating what was said earlier, offers a new reading

from the perspective of our time. The history of the creation of the work is being investigated, starting from the first references to it, the publications of fragments in periodicals and collective collections; The used archival materials shed light on the discussion of the manuscript at a meeting of the national literary section, the first reviews of Abazin writers and critics are presented. Further, the author offers his own analysis of the literary text, paying attention to the artistic details, the dynamism of the events of the first chapters, the landscape, the portrait, the social status of the hero, his relationship with the owners, the correspondence of the presented paintings of the Life Truth. All-souscence characteristic of the novel are also noted: the loose composition, the lack of psychologism, the motivation of characters' actions, the internal conditionality of the transition from one chapter to another, the departure from the principles of realism. All these features are not just declared, but displayed from the interpretation of the text. The article ends with the idea that the presented novel is a predominantly artificial creation, performed on a social order of time.

Key words: Zhirov, «Awakening of the mountains», novel, historical and revolutionary, hero, plot, composition, principle of realism.

For citation: Chekalov P.K. Roman H.D. Zhirov «Awakening of the mountains». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 229-246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246. EDN: LZPXUS.

© Chekalov P.K., 2025

Советские литературоведы неоднократно высказывали мнение, что исторический и историко-революционный роман «получил небывалое развитие во всех без исключения литературах народов Советского Союза» [Хайлов 1978: 339], что эти жанры стали «для многих литератур советских народов СССР путем к реалистической зрелости» [Воробьева 1978: 357], что «в молодых литературах Северного Кавказа именно достижения историко-революционного романа определили <...> уровень прозы, обозначили принципиальные вехи эволюции национального художественного сознания» [Султанов 1989: 47]. Отмечалось также, что необычайно популярная в национальных литературах идейно-тематическая презентация историко-революционного романа «из-за самого факта обращения к подобной тематике <...> подлежала обязательной позитивной трактовке» [Султанов 2019: 99].

Самым известным произведением Х.Д. Жирова является роман «Пробуждение гор» (1962), относящийся к историко-революционному жанру. В 1970 г. он был выпущен на русском языке в переводе братьев Михаила и Эрнеста Эдель в Черкесске, через год переиздан в столичном издательстве «Советский писатель» (1971), а потом еще и в Ставропольском книжном издательстве с предисловием В.Б. Тугова (1982).

В монографии «Писатель и история» литературовед Л.М. Чмыхов писал: «Первым крупным явлением в абазинской <...> литературе стал появившийся в 1962 г. на абазинском языке роман “Пробуждение гор”. На его форме и содержании сказалось влияние “традиционного” исторического романа о прошлом и веяния современной исторической прозы с ее стремлением к синтезу времен, к исследованию в пределах романного сюжета далекого прошлого, революционного прошлого, революционных преобразований и социалистического строительства через судьбу единого “сквозного” героя или нескольких вымышленных лиц. Автор романа Хамид Жиров проявляет глубокое знание прошлого

своего народа и понимание связи времен, понимание исторических ретроспекций» [Чмыхов 1982: 160].

3 января 1959 г. в абазинской газете «Свет коммунизма» был помещен отрывок из повести Жирова «На перекрестке дорог». В небольшом предисловии к нему говорилось, что за последние годы национальная проза сделала большой шаг вперед, и в этом деле произведения печатаемого автора сыграли значимую роль. В конце редакция отмечала, что в текущем году писатель предполагает завершить повесть и предлагала вниманию читателей фрагмент из нее [Предисловие 1959: 4]. Этот отрывок в том же году был включен и в коллективный сборник «Пламя гор» [Жиров 1959: 28-33].

Опубликованная часть представляется одной из самых интересных не только творчества Жирова 1950-х гг., но и всей национальной прозы той поры. На пяти страницах автор компактно изложил историю рода Аргуновых, сцену возвращения Мухаба в родительский дом под покровом ночи, сложную жизненную ситуацию, в которой оказался герой, его противостояние с богачами Канаматовыми, недоверие и даже подозрение, вызванные им у председателя сельсовета. Каждый эпизод обладал необходимой художественной полнотой, во всем чувствовалась не только опытная рука, но и мышление зрелого писателя. Диалоги характеризовались динамизмом, отсутствием излишеств. Своеобычность повествованию придавал и родной для прозаика ашхарский диалект, на котором говорили герои. Помимо всего прочего, фрагмент создавал интригу. Возникали вопросы: почему Мухаб должен возвращаться домой скрытно? Почему его преследуют Канаматовы? Почему председатель сельсовета не верит ему?.. В сущности, публикация являла собой, говоря современным языком, хороший маркетинговый ход: она вызывала интерес читателя, желание дождаться выхода книги и разобраться в представленных хитросплетениях.

Газетная публикация свидетельствует о том, что работа над повестью началась в 1958 г. В плане работ Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей на 11 июня того же года значилось обсуждение повести «На перекрестке дорог» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 9. Л. 1], но в силу ее незавершенности рассмотрение тогда не состоялось. О том говорит другой документ: в справке «Несколько слов о работе абазинской литературной секции», составленной П.К. Цековым в том же 1958 г., сообщалось: «Находится в производстве и другая прозаическая книга Х. Жирова “Алыц1ырты апны” (“У развилки дорог”). <...> Он пишет что-то большое и серьезное» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 6. Л. 3].

Работа над повестью затянулась, захватила 1959-й и 60-й. Когда она была завершена, перепечатана на пишущей машинке, текст произведения уже под названием «Новая борозда» был передан на экспертизу поэту П. Цекову и молодому литературоведу В. Тугову. Рецензенты подготовили развернутые отзывы на 6-7 страницах каждый.

Суть суждений Пасарби Кучуковича можно свести к нескольким тезисам:

- автор подходит к освещению вопроса при помощи фактов, которые он хорошо знает, которые сам пережил;
- Жиров сумел эту тему осветить правдиво и художественно. В повести нет схематизма и сухой декларативности;

– автор не наделяет своих героев вымышленными характерами. Это живые люди, которые совершают хорошие поступки, но не лишены ошибок. Автор вывел типичных людей;

– Жиров сумел убедительно описать жизнь аула, борьбу за колхозное движение, личную жизнь главных героев. Большинство персонажей имеют свои лица;

– язык повести сочный, колоритный, народный. Это большая заслуга автора. Каждый герой имеет свою манеру говорения.

Наряду с положительными оценками Цеков сделал 19 конкретных постраничных замечаний и отмечал, что их устранение улучшит книгу.

Подытоживая сказанное, Пасарби Кучукович писал: «Повесть Х. Жирова “Новая борозда” имеет право на жизнь. И она будет с интересом прочитана читателями, она является значительным вкладом в нашу молодую абазинскую литературу», вследствие чего и рекомендовал ее к изданию [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 27-34].

Отзыв Владимира Батаховича был выстроен в еще более позитивном ключе. В первую очередь подчеркивалась правдивость:

«В заслугу автора надо ставить тот факт, что в повести представлена сама жизнь с присущими ей противоречиями. <...>. Жизнь села, первые годы колхозной жизни отмечены и выражены художественными средствами с большой исторической достоверностью. Автор не сгладил трудности, которые встречаются на этом первом этапе коллективного труда крестьян».

Много внимания уделял рецензент персонажной системе:

«Автор повести художественно зрело и убедительно вырисовал образы представителей кулачества – семьи Канаматовых <...>.

Художественно верная характеристика, логическая, убедительная обоснованность и мотивировка поступков делают образ Мухаба полнокровным. Жизненный путь его воспринимается как единственно возможный и правильный. Душевная красота, цельность характера, внутреннее благородство, преданность делу народа как бы воплотились в образе Мухаба. <...> Образ Фариз – целомудренный, пленительный образ. Это, несомненно, большая творческая удача автора. Полнокровной жизнью живет в повести и образ Бекмурзы. Он благороден, тонок, трогательно влюблен не только в Фариз, но и в природу <...>.

Значительное место в повести отводится председателю сельсовета Худу. В его образе автор сумел охватить много характерных черт. Многие его поступки, ошибки и просчеты художественно мотивированы и убедительны. Однако в эволюции образа много неясностей, много недоговорок. Создается впечатление, что образ выписан не до конца».

Общая положительная оценка выражалась в тезисах о преодолении схематизма и голого декларирования идеи: «Основная мысль автора в большей части повести облекается в полноценную художественную оболочку»; «Сама идея <...> закономерно и логично вытекает из хода событий и является художественно мотивированным, единственно возможным заключением»; «Жизнь комсомольской и партийной организации, их участие в жизни колхоза составляет яркую страницу повести. Это несомненная победа автора повести».

Основную часть недочетов автор рецензии свел в один абзац:

«Композиция повести не всегда последовательно выражена. Создается впечатление некоторой аморфности. В некоторых местах автор вместо художественного воплощения идеи пускается в детальное описание ненужных подробностей. Вообще первая часть повести написана сильнее, вторая часть страдает некоторой недоработанностью. Рукопись требует тщательной редакции. Имеется много языковых погрешностей».

Но выявленные недостатки не отменяли обозначенные достоинства произведения, в силу чего Тугов завершал свою рецензию мыслью о том, что «новая повесть – значительное явление в абазинской литературе и несомненно привлечет внимание критиков и читающей общественности» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 34-39].

Рецензии Тугова и Цекова выражали читательскую рецепцию современников, когда не было еще в национальной литературе эстетических открытий последующих лет, и потому даже скромные на тот момент творческие удачи провоцировали экспертов на завышенные оценки. Но достаточно было и верно схваченных наблюдений, объективных суждений, трезвых умозаключений.

Рецензии были подготовлены в апреле 1961 г. (отзыв Цекова был датирован 9 апреля 1961 г.) и, видимо, тогда же переданы автору. Около полутора месяца Жиров занимался устранением предъявленных претензий, и, по всей вероятности, работа была проделана существенная. В результате автор уже в третий раз сменил наименование – «Пробуждение гор» – и повысил жанровый статус: роман¹. В таком качестве в конце мая произведение было вынесено на рассмотрение национальной литературной секции. Повестка дня заседания отразила авторские нововведения: «Обсуждение романа Х. Жирова *«АицхъакваргIашIыхара» («Пробуждение гор»)* [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1].

Во вступительном слове писатель сообщил о проделанной «значительной доработке книги после замечаний товарищей» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1], а затем последовали прения.

Уже в самом начале своего выступления У.Д. Ерижев дал высокую оценку произведению: «Роман Х. Жирова “Пробуждение гор” – значительное явление в абазинской литературе. Он написан живым языком, в нем очень много удачных образов. Особенно запоминается образ Мухаба и все женские образы, которые, как живые, встают перед читателем. На мой взгляд, есть и некоторые недоработки. Образ русского коммуниста Василия нужно доработать или выбросить совсем. Повысить авторитет секретаря партийной организации. Мне кажется слишком растянутым авторское отступление о прошлом Мухаба. В целом книга удалась. Она принесет большую пользу читателям в воспитании подрастающего поколения и явится большим вкладом в абазинскую прозаическую литературу» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1].

¹ М.Х. Чикатуев в своих воспоминаниях говорил, что жанровое определение «роман» и формулировка названия «Пробуждение гор» принадлежат ему. (Чекалов П.К. Микаэль Чикатуев. Жизнь и творчество: очерки, статьи, интервью, воспоминания. – Карачаевск: КЧГУ, 2018. – С. 148). Данное утверждение вызывает сомнение, так как редактором он был назначен позднее.

Д.К. Лагучев отметил: «Первый роман Х. Жирова является, по существу, и первым романом в абазинской литературе. Читается легко, автор умело использовал народные пословицы и поговорки. Разграничил образы героев – у каждого свой портрет, свой характер, свой язык. <...> Книга хорошая, ценная для нашей молодой литературы и нужно ее выпустить в свет» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2].

Р.М. Хужев обратил внимание на то, что Жиров допускает употребление ашхарского диалекта не только в речи персонажей, но и в авторской, что нарушало нормы абазинского литературного языка, в основе которого лежит тапантийский диалект [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 2].

Далее в протоколе было зафиксировано: «Все выступившие товарищи – Цеков П.К., Тугов В.Б., Тхайцухов Б.Х., Хачуков З.К., Джегутанов К.С. – поддержали предложение издать роман “Пробуждение гор”».

Учитывая большую ценность романа Х. Жирова “Пробуждение гор” в художественном и идейном отношении, абазинская литературная группа постановляет: просить областное отделение СП (Союз писателей. – П.Ч.) выйти с ходатайством перед областным книгоиздательством выпустить в свет в 1961 г. роман Х. Жирова “Пробуждение гор”» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 2].

Правка текста продолжилась и после обсуждения. Редактором выступил молодой выпускник Литературного института М.Х. Чикатуев. По его словам, он «проделал большую работу» [Чекалов 2018: 148]. Наконец книга была сдана в набор 11 октября 1961 г., подписана в печать 26 декабря, а 24 марта 1962 г. национальная газета сообщила о выходе романа в свет. Помещенное в конце книги послесловие редактора завершалось констатацией: «"Пробуждение гор" в абазинской литературе – первый роман. И это большая радость» [Чикатуев 1962: 254].

Прежде, чем приступить к разговору о произведении, определим описываемую историческую эпоху. В тексте не приводится ни одна конкретная дата, но исходя из того, что в нем затрагивается тема коллективизации, можно предположить, что романное действие охватывает конец 1920-х – начало 30-х гг. Советская власть на Северном Кавказе существовала уже около 10 лет, и в романе нашли свое отражение некоторые ее атрибуты: аульский совет и ее председатель, партийная и комсомольская ячейки и их секретари, позже появляется колхозная тематика, уполномоченный обкома партии и т.д. И, тем не менее, в начале произведения складывается впечатление, будто новая власть еще не установилась, и люди живут еще по старым дореволюционным законам. И в этом сказалось отражение действительности: провозглашение социалистической формации и создание на местах ее представительных органов механически не влекло за собой изменения жизненных устоев на всем пространстве Российской империи: до окраин страны социальные перемены доходили долго. В этом плане содержание «Пробуждения гор» близко перекликается с повестью «В поисках жизни». О том же говорит и положение главного героя, табунщика богачей Канаматовых.

Роман открывается пейзажной зарисовкой: «Летний день. Нежная горная трава подобна вате. На солнечной стороне она уже начала желтеть, а на теневой

– все еще иссиня прекрасна. Проносающийся по ущелью ветерок обдает прохладой. Табун неторопливо пасется, обращенный головой в сторону ветра. Жеребята носятся вскачь и то и дело подпрыгивают возле маток. Гнедой жеребец стоит на вершине холма и стережет косяк, оглядывая всю долину. Он так вытянул шею, приподнял голову и напряженно всматривается в теснину, что создавалось впечатление, будто привстал на цыпочки. Спустя немного времени он шагнул вперед и заржал так тревожно-звонко, что весь табун мгновенно приподнял голову и замер. В ту же секунду прекратили свой бег и резвые жеребята...» [Жиров 1962: 5-6].

Экспозиция полна верных реалистических деталей: меняющая окраску летняя трава, ободряющий ветерок, обращенный головой к ветру табун, резвящиеся жеребята, застывший на вершине холма жеребец... Все это говорит о том, что автор хорошо знаком с предметом описания и умеет представить общую картину соответствующими лексико-стилистическими средствами.

Но вот безмятежная сцена прерывается тревожным ржанием жеребца, почувствовавшего приближение чужаков, и сразу меняется характер повествования, все приходит в движение, наполняется динамикой: отдохавший на разостланной бурке молодой табунщик вскакивает, подбегает к коню, надевает удила, подтягивает подпруги, прыгает в седло, несется за жеребцом, настигает его перед пещерой, соскакивает на ходу, замечает двух абхазов рядом с низкорослыми горными лошадами... Попутно, наблюдая за тем, как герой изловчился и прыгнул в седло вертлявого коня, как он полетел, прильнув к луке седла, вырвал, не останавливаясь, воткнутый в землю жердь с петлей, читатель становится свидетелем его ловкости, молниеносности реакции.

Так, буквально с первых строк произведения мы знакомимся с главным героем – табунщиком Мухабом. Чуть ниже глазами гостей-абхазов, приглашенных к шалашу, мы видим его портрет. Молодому человеку девятнадцать лет, но выглядел мальчишкой, чернявым, сухопарым, с круглым лицом, коротким носом, густыми бровями и широкими плечами. Роста он был не высокого, ширина на штанах свисала ниже колен; был подпоясан веревкой из конского волоса, отчего нижние края его рубашки топорщились; острые носки обуви из сыромятной кожи загибались вверх, как полозья санок; края износившейся войлочной шапки бессильно опускались на плечи, а из прохудившегося верха торчали пучки волос наподобие козлиной бороды [Жиров 1962: 9-10]...

В представленном довольно подробно описании внешних примет мы не увидим ничего героического, пафосного. Наоборот, складывается ощущение, будто автор намеренно принижает образ героя: используемые сравнения клока волос с козлиной бородой, кончиков обуви с полозьями санок приносят элемент комичности. Эту же роль выполняет и деталь, связанная с шириной, опустившейся ниже колен. Но главная цель этих выразительных средств сводится к тому, чтобы придать чертам внешности персонажа социальное звучание: он был настолько беден, что не мог справиться себе ни штаны по своему росту, ни более-менее сносную шапку. Осознание безотрадности положения героя усиливается, когда мы узнаем, что он еще подростком потерял отца, с девяти лет почти безвылазно находился при табуне в горах, а дома – больной брат, не вста-

ющий с постели, да старая мать, ухаживающая за ним. Мухаб – единственная их опора, а он за год труда получает лишь одного теленка, которого можно обменять на два мешка кукурузы, тогда как для пропитания семьи в год требуется четыре – пять. Чтобы вылечить брата, нужно отвезти его к врачу в русскую станицу, но это невозможно, потому что за повозку нужно заплатить два – три пуда кукурузы, а взять их неоткуда. Хозяева табуна – богачи Канаматовы – хорошо осведомлены об обстоятельствах жизни работника, но остаются абсолютно глухи и безучастны к его судьбе и судьбам его родных. На этот счет в романе присутствует отчетливое указание: когда гости-абхазы задаются вопросом – неужели из табуна нельзя взять двух лошадей для больного? – Мухаб отвечает коротко и просто: «Можешь умереть, не отдадут» [Жиров 1962: 9]. Эта реплика не случайна: в ней сконцентрировалось и осознание несправедливости мира, и затаенная обида молодого человека. И это при том, что и отец, и старший брат всю свою жизнь проработали на тех же самых хозяев.

В плане взаимоотношений Канаматовых и их батраков показателен и эпизод с Бекмурзой, относящийся к тому времени, когда он был здоров и работал чабаном на кошу. Когда герой узнал, что отец находится в тяжелом состоянии, он попросил старшего чабана отпустить его домой, чтобы провести родителя. Тот не разрешил. Тогда Бекмурза ушел без спроса, но отца в живых уже не застал. Вечером того же дня, когда состоялись похороны, Мазана, старший в роду Канаматовых, вызвал его и сурово спросил, почему он самовольно оставил кош? При этом красноречива сама внешность старика: морщинистое лицо, сросшиеся усы и борода, налитые кровью глаза... Уже эта портретная характеристика ничего доброго не сулит.

– Я не на игрища ушел, – сдержанно ответил чабан, – я вернулся из-за смерти отца.

– Ну и что, что отец твой умер? Разве ты бог и можешь воскресить его?

– Не знал, извини. Когда ты умрешь, я не покину отару.

Эти слова настолько взбесили Мазану, что он схватил табурет и ударил по голове Бекмурзы, в результате чего тот без сознания рухнул на порог. В ярости Мазана размахнулся еще раз, но был остановлен дочерью [Жиров 1962: 51].

Дикая расправа свидетельствует о всевластии, о воинствующем самодурстве богача. По его разумению, работник не может ступить шагу без разрешения, и смерть отца не достаточная причина, чтобы оставлять кош с овцами, даже если там находились еще два чабана. Батрак не смеет дерзить, намекать на свою правоту, он должен только беспрекословно выполнять повеления. Сцена наглядно демонстрирует необузданный нрав и бесчеловечность хозяев жизни по отношению к простолюдину. Таким образом, социальный портрет Канаматовых выглядит жестоким, беспощадным, без единой крупинки человечности. И эта характеристика впоследствии будет обрастать другими подробностями. Таким образом, «Пробуждение гор» подтверждает верность умозаключения А. Хайлова о историко-революционной прозе: «Роман, вызванный к жизни событиями революционными, давал прежде всего не столько бытовой, сколько социальный разрез действительности» [Хайлов 1978: 348].

Возвращаясь к образу Мухаба, необходимо пролить свет на его родословную. Дед его Мхамат некогда проживал в Абхазии, в высокогорном селении Псху. Войдя в противостояние с местным князем, он оказался вынужден перебраться на северные склоны Кавказского хребта и поселиться в абазинском ауле Кува. Вследствие того, что люди князя разыскивали его повсюду, Мхамату пришлось продаться Канаматовым и принять их фамилию. Тем самым он сохранил себе жизнь, но потерял свободу: он сам, его сын, внуки (Бекмурза и Мухаб) стали вечными батраками Канаматовых.

Эта предыстория объясняет, почему Мухаб так радушно встретил абхазов, он увидел в них соотечественников: «Добро пожаловать, братья! <...> Я и сам из абхазов, родом из Кувы, зовут Мухабом. Проходите, будьте нашими гостями...» [Жиров 1962: 7]. Герой простодушно доверяется путникам, не ожидая подвоха; их сочувственные реплики, когда он поведал о больном брате, принял за искреннее сопереживание, а используемое ими обращение «брат» еще больше располагало к ним. И потому, когда они изложили цель своего визита – выкупить лошадей – он не догадывается, к чему они клонят: «У меня нет лошадей на продажу. Я сам человек подневольный, не хозяин самому себе» [Жиров 1962: 11]. Но те не отступают, убеждают, насаждают, предлагают не только деньги за табун Канаматовых, но и содействие в переселении: «Ты наш парень, земляк. И мать, и больного брата перевезем в Абхазию, потом возрадуешься» [Жиров 1962: 11].

Здесь небезынтересно отметить психологическое восприятие героем момента, когда гости выложили перед ним плату: «Глаза Мухаба, за всю свою жизнь не видевшего столько денег, прилипли к ним, губы его задрожали, глаза полезли на лоб, и холодный пот окатил всего» [Жиров 1962: 11]. Сцена вскрывает и удивление, и испытываемый страх за возможные последствия, и жгучий соблазн. И именно последнее чувство взяло верх: он поддался на уговоры и вместе с конокрадами погнал лошадей в сторону Абхазии.

Мухаб по природе своей не вор. Он никогда не покусился бы на чужое добро, если бы оно не было нажито жестокой эксплуатацией, если бы сам не находился в беспросветной нужде, если бы не нужно было ломать голову над несчастной судьбой больного туберкулезом брата, если бы труд его оплачивался более-менее сносно... Безысходное социальное положение вынуждает героя идти на сделку с совестью, и он становится соучастником угона. В.Б. Тугов по этому поводу высказался отчетливо и лаконично: «Нужда и врожденное чувство справедливости заставляют Мухаба продать хозяйский табун» [Тугов 1982: 7].

Позднее сам герой собственное видение сложившейся ситуации изложит председателю аулсовета так: «Если хочешь правду, табун кобылиц принадлежал мне, и я распорядился им так, как посчитал нужным. <...> Начиная с деда, мы бесплатно работали на этих собак [Канаматовых. – П.Ч.]. Я полагаю, что лошади принадлежали нам по праву...» [Жиров 1962: 85].

В беседе с матерью герой снова укажет на социальную подоплеку взаимоотношений Аргуновых и Канаматовых: «Всю жизнь они пили нашу кровь. Отец батрачил на них, брата гоняли, пока не превратили в инвалида, и ты перестала

доить их коровы лишь недавно. Вместо тебя потом меня приняли в работники. <...> Сорок лет трудились на них и заслужили только эту скривившуюся хижину» [Жиров 1962: 37].

И в этих словах кроется своя горькая правда.

Последующие события показывают, что Мухаб был не только молод, но и не опытен, простодушен, доверчив, сказанное слово воспринимал как уже выполненное дело. Вследствие этих личностных качеств он оказался одураченным: когда лошади оказались в пределах Абхазии, грабители напоили его, оставили, а сами погнали косяк дальше. Благо, конь Мухаба не дался разбойникам, а к седлу было приторочено пятизарядное ружье. Очнувшийся герой осознал свою горестную ситуацию. И несмотря на то, что находился в чужом краю, и противостояли ему два опытных абрека, он ринулся в погоню, переполненный жадой мести, и настиг возле реки. Во время завязавшейся перестрелки конокрады, пользуясь знанием местности, согнали лошадей в лощину и, прикрываясь обрывом, перешли на другой берег. И, хотя Мухаб ранил одного из похитителей, бой был проигран. Дальнейшее преследование означало безрассудно подвергать свою жизнь опасности, но и возвращаться домой, где его ждали хозяева табуна, ничего хорошего не сулило. И было еще неизвестно, какой из двух вариантов был наихудшим. Таким образом, изначально незавидное положение героя усугубилось еще больше. Но, веря себя судьбе, он поворачивает назад: там свои горы, дом, мать, брат.

Отметим, что сцена погони выявляет смелость героя, его решительность, готовность вступить в схватку с превосходящими силами. И только объективные обстоятельства не позволили ему до конца реализовать свои природные качества и одержать верх.

Последующие страницы романа посвящены драматическим обстоятельствам возвращения героя на родину. Он теряет коня, попадает в плен к братьям Канаматовым, пустившимся на его поиски, но ему удастся выскользнуть из их рук и продолжить путь. Эти описания полны верных наблюдений, психологических нюансов, выразительных подробностей, пейзажных зарисовок и представляют собой полноценный художественный текст, выстроенный в реалистическом ключе. Таким образом, вступительную часть (первые две главы) характеризуют жизненность и правдоподобие представленных картин. За очень редким исключением в них трудно отыскать даже штрихи и детали, которые вызвали бы в читателе сомнение относительно их подлинности и романного качества. Но далее, к сожалению, «повествование разворачивается по логике тезиса, а не по логике характера и положений» [Султанов 1989: 11]. И отход от принципов реализма встречается неоднократно. В качестве такого примера рассмотрим содержание третьей и четвертой глав, где Мухаб в лесу натывается на убитую тремя ножевыми ударами в сердце женщину. Ужасающая подробность: живот ее был распорот, из него выпал младенец и, крича, лежал в теплой еще крови. (Его плач и привлек внимание героя). Мухаб понимает: молодую беременную женщину привезли в лес и лишили жизни, чтобы скрыть последствия чьей-то порочной связи. Но зачем нужно было распарывать живот? В такой излишней жестокости никакой необходимости не было. Тем самым автор, види-

мо, хотел подчеркнуть звериную сущность тех, кто совершил бесчеловечное злодеяние.

«Повествование разворачивается по логике тезиса, а не по логике характера и положений» [Султанов 1989: 11]. И отход от принципов реализма встречается неоднократно. В качестве такого примера рассмотрим содержание третьей и четвертой главок, где Мухаб в лесу натывается на убитую тремя ножевыми ударами в сердце женщину. Ужасающая подробность: живот ее был распорот, из него выпал младенец и, крича, лежал в теплой еще крови. (Его плач и привлек внимание героя). Мухаб понимает: молодую беременную женщину привезли в лес и лишили жизни, чтобы скрыть последствия чьей-то порочной связи. Но зачем нужно было распарывать живот? В такой излишней жестокости никакой необходимости не было. Тем самым автор, видимо, хотел подчеркнуть звериную сущность тех, кто совершил бесчеловечное злодеяние.

В этой ситуации герой, у которого бездна собственных проблем, больной брат, старая мать, направляется в ближайший аул, обходит несколько кварталов, находит бездетную семью, передает ребенка на воспитание, возвращается в лес, хоронит покойницу и над ее могилой произносит клятву найти виновника преступления и отомстить [Жиров 1962: 27-28]. И все это совершается в течение одной ночи, что само по себе невероятно.

Далее Мухаб по следу колес и подков приходит во двор богача Сафарби, устраивается к нему на работу, удостоверяется, что именно он вынудил молодую женщину к сожительству, а когда забеременела, избавился от нее. Затем герой подгадал случай, расправился с хозяином и только после того направился дальше в свой аул.

Рассмотренный материал является чисто фольклорным, и попытку преобразования его в реалистическое повествование следует признать неудачной. Помимо того, он представляет собой побочный от основного сюжета эпизод, уводит в сторону и замедляет общий ход повествования. И это не единственный подобный случай. Вот другая сцена: вернувшись домой, Мухаб узнает от матери, что братья Канаматовы разнесли слух о том, что он не просто угнал их табун, а передал его абрекам, тем самым противопоставляя его пролетарской власти. Желая оправдать себя, Мухаб наутро сам является к председателю сельсовета и кладет перед ним свое ружье, тем самым демонстрируя готовность разоружиться и объясниться. Но, не найдя взаимопонимания, герой забирает оружие и уходит в лес в надежде найти другие пути к справедливости.

Последний фрагмент един и взаимосвязан. Это тот самый отрывок, что был опубликован в газете в начале января 1959 г. Но что мы видим в книжном издании? Возвращение героя и разговор с матерью излагается на страницах 35-37, а посещение сельсовета на следующее утро перенесено на страницы 84-86. Цельный эпизод оказался искусственно разделенным на две части, и между ними пролегло 47 страниц другого повествовательного материала о любви Бекмурзы и Фариз, абсолютно не востребованный в данном месте. Еще дальше романное действие перебивается вставным рассказом о деятельности и гибели русского революционера-подпольщика Василия Сергеевича Дубина [Жиров 1962: 107-136]. Главы об этом персонаже не имеют прямого отношения к ос-

новой проблематике произведения. В связи с этим следует отметить, что подобные необязательные вставки оказались неблагоприятными для композиции романа, они нарушили последовательность и взаимосвязь литературных событий, лишили сюжет динамичности, разрыхлили структуру романа.

Любопытная сцена разыгрывается в кабинете прокурора Хаджимата, где ведется допрос Мухаба. Так как по наущению Канаматовых бывшего табунщика подозревают в связях с антисоветской бандой (абреками), от него требуют признательных показаний относительно ее местонахождения, вооружения, количественного состава и т.д. Герой отрицает данное обвинение, но выражает готовность сотрудничать по эпизодам обнаружения в лесу труп женщины, спасения ее ребенка, убийства Сафарби. Но следствием это почему-то в расчет не берется, а вопрос с угоном табуна вообще не поднимается. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что прокурор настроен против Мухаба очень враждебно: называет его кровопийцей, то и дело нервно хватается за наган, подсказывает, чтобы ударить... Но, так и не добившись своего, Хаджимат вынужден отправить арестованного обратно в камеру. Он остается в кабинете один. И вдруг в нем начинают происходить совершенно не мотивированные процессы: мгновенно улетучивается вся его агрессивность, выясняется, что ему импонирует твердость характера Мухаба, в его сознании возникает даже очень неуклюжее и неуместное соотнесение героя с 26 бакинскими комиссарами, с проявленной перед их расстрелом стойкостью. И он неожиданно и беспричинно приходит к выводу о том, что Мухаба следует освободить из-под стражи и определить на учебу: «Нужно помочь ему. Обучим» [Жиров 1962: 101].

Согласимся: ход мыслей прокурора абсолютно не логичный. Если подсудимый виновен, нужно доказать его вину и наказать в соответствии с его деянием; если не виновен – отпустить. Но в любом случае исходить нужно из существующего законодательства, а не из индивидуальных побуждений. В романном пространстве все происходит иначе, и в очередной главе мы встречаемся с героем уже в стенах школы-интерната, где он учится. Следовательно, с него сняты обвинения, он оправдан. Но на каком основании? В произведении нет никаких разъяснений по этому поводу. Создается впечатление, что личного мнения прокурора оказалось достаточным, чтобы так резко изменить и направить жизнь героя в позитивное русло. Заметим, что такие сюжетные ходы ничего общего с принципами реализма не имеют.

Неправдоподобность, недосказанность, непроясненность ситуации вынудило Михаила и Эрнста Эдель при переводе романа на русский язык внести в текст определенные уточнения: «Пришлось все-таки прокурору Хаджимату потрястись в бричке в Куву, затем в аул Сафарби. Оказалось – людям все хорошо известно. И про табун, и о пропавшей служанке <...>. Пришлось Хаджимату вскрыть обе могилы, убитой и убийцы. И, самое главное, в Невинке арестовали возницу Сафарби, принимавшего прямое участие в убийстве молодой женщины. Уличенный слугами Сафарби, он во всем сознался» [Жиров 1982: 94].

Таким образом, переводчики попытались выстроить переводное произведение более-менее логично, добавляя недостающие в оригинале сюжетные зве-

нья. И подобное на страницах русскоязычной версии романа происходит неоднократно.

Переходя к следующему этапу жизни Мухаба, отметим, что ранее он нигде и никогда не учился. Следовательно, грамоту ему нужно было осваивать с азав. Оказавшись среди учащихся, двадцатилетний молодой человек чувствует себя скованно и одиноко от непривычки находиться в людской гуще, с одной стороны, а с другой, – потому что был гораздо старше своих одноклассников. Комсомольская организация протянула руку помощи и в лице старшеклассницы Лидхан назначает ему помощницу, и она ежедневно проводит с ним дополнительные занятия.

Проходит около трех лет. За это время Мухаб становится членом комсомола, а затем и Коммунистической партии. За какие заслуги – не объясняется. Более того: о таких важнейших событиях в жизни героя историко-революционного романа (как и о возникшей любви к Лидхан) в произведении упоминается лишь вскользь, задним числом после того, как сами факты свершились. Безусловно, в рамках избранного жанра такие события заслуживали развернутого отображения. Небезынтересно отметить и следующее: других, более активных в общественном плане учеников (того же секретаря комсомольской ячейки Азамата, например), в партию не приняли. И вот уже обком посылает героя в родной аул с некими контролирующими функциями...

Во-первых, в Куве уже находился уполномоченный от обкома товарищ Огулов. Для чего понадобился второй человек со сходными обязанностями? Во-вторых, как можно ученика с неоконченным начальным образованием назначать на руководящую должность? Получается явная нелепица.

И тут, чувствуя нестандартность положения, переводчики снова вместо автора пытаются хотя бы отчасти сгладить обстоятельства, вводя краткую характеристику образовательного учреждения: «Школа, в которую определили Мухаба, была своеобразной; ее целью была подготовка национальных кадров, строителей советского села. Обучались в школе будущие председатели аулсоветов, культпросветработники, пропагандисты, библиотекари» [Жиров 1982: 123].

Оказывается, учебное заведение было не обычной школой, как мог предположить национальный читатель, а предназначалось для формирования необходимых пролетарскому государству специалистов. (В оригинале на этот счет какие-либо указания отсутствуют). Такая поправка не снимает всех вопросов, но несколько спасает ситуацию: если то была спецшкола, наверно, какие-то допущения были возможны.

Но на этом карьерный рост героя не завершается, а только начинается: в течение одной весны он поочередно становится секретарем партийной ячейки аула, а затем – председателем колхоза. И это при том, что у него не было ни достаточных знаний, ни опыта хозяйственной, административной и партийной работы. И, тем не менее, вчерашний батрак успешно справляется с возложенными на него задачами, не допуская никаких ошибок, и дело ведет как бывалый, опытный руководитель. И в этом тоже сказывается отход от принципов реализма. Такая стремительная карьера, по всей вероятности, должна была служить наглядной иллюстрацией реализации политического лозунга эпохи:

«Кто был ничем, тот станет всем». Пропагандистская тенденция романа очевидна, и его герой представляет собой не столько живой литературный образ, сколько идеологическую схему, призванную констатировать бесповоротность обновления абазинского аула, в лице Канаматовых вынести приговор всему старому эксплуататорскому строю: «Настал наш день. День Канаматовых ушел безвозвратно, его больше нет» [Жиров 1962: 222]. Мухаб выступает, если воспользоваться терминологией К.К. Султанова, основным «идееносителем» [Султанов 1989: 48] произведения.

Таким образом, мы становимся свидетелями продвижения героя по служебной лестнице, но при этом не видим его внутреннего роста, становления его характера, личности. Его психологическое мужание и взросление в романе никак не отражено, его человеческая и мировоззренческая эволюция подменяется описанием внешних событий, в которые герой вовлечен. По всей вероятности, ни Жиров, ни абазинская литература в целом в тот исторический период справиться с подобными эстетическими задачами были не в состоянии: не хватало творческого опыта, детальных знаний предмета изображения, писательского мастерства, умения проникать во внутренний мир персонажей. Потому и образ главного героя получился художественно не полнокровным, не убедительным. И такое явление было характерно не только для абазинской прозы, но также для адыгской (романы «На берегах Зеленчука» Х. Абукова, «Зарево» М. Дышекова), абхазской (романы И. Папаскири «Темыр», «Женская честь») и других младописьменных северокавказских литератур.

Итак, изучив роман абазинского писателя Х.Д. Жирова «Пробуждение гор», мы можем прийти к следующим выводам:

1. Вступительная часть произведения имеет жизненную, реалистическую основу, обладает ненадуманной интригой. Читатель с первых страниц вовлекается в водоворот стремительных событий и с увлечением ожидает, как герой выпутается из драматически сложившихся обстоятельств.

2. Если рассматривать «Пробуждение гор» с позиции историзма, следует признать, что содержание романа согласуется с описываемым историческим временем и местом действия. Историзм произведения подтверждается и сценами объединения людей в коллективные хозяйства, такими неординарными антагонистическими личностями, впитавшими в себя дух и веяния эпохи, как председатель сельского совета Худ Мамуков и середняк Махуд, уполномоченный от обкома партии товарищ Огулов.

3. В романе нашло свое отражение немало верных примет времени, реалии эпохи: жизнь табунщика в горах, организация колхозного движения, скандал вокруг назначения трудодней, появление в ауле первого трактора... Очень живо, со множеством узнаваемых реалистических деталей выписана весенняя картина в ауле. К лучшим страницам романа относится и глава о пахоте Махуда. Вместе с тем произведение обладает и явными изъянами, отходом от жизненной правды.

4. Роман во многом представляет собой искусственную конструкцию, когда герои предпринимают те или иные действия не в силу собственного характера, мировоззрения, сложившихся обстоятельств, а по волевого указанию ав-

тора. Если в начале произведения мотивировка поведения героя ясна, то впоследствии она зачастую пропадает. Также отсутствует изображение внутренних процессов, психологических, горестных, радостных любовных переживаний.

5. Имеет место и проблема организации романного пространства, упорядочения литературного материала. Вводные эпизоды (сцена с убитой молодой женщиной, повествование о любви Бекмурзы и Фариз, рассказ о подпольной деятельности Дубина) свидетельствуют об отсутствии композиционной выверенности, они разрывают сюжетный стержень, ослабляют динамизм событий. Основная часть «Пробуждения гор» представляет собой фрагментарные наброски осколков действительности, слабо складывающихся в единую картину. Порой отсутствует внутренняя обусловленность перехода от эпизода к эпизоду.

6. С точки зрения художественного целого «Пробуждение гор» (за исключением отдельных глав) – произведение не высокого уровня. Образное, художественное на страницах романа подчас подменяется публицистикой, язык теряет гибкость, использование выразительных средств сводится к минимуму. С позиции ценностного подхода более ранняя повесть «В поисках жизни» стоит значительно выше. Она представляется более зрелым, правдивым по отношению к отраженной действительности, по психологической мотивированности поступков персонажей, логичности причинно-следственных связей.

7. За исключением первых страниц романа образ главного героя преимущественно выступает не живым, естественным, развивающимся характером, а рукотворным. Мухаб – искусственное создание, выполненное по социальному заказу времени. И потому не мудрено, что он получился схематичным, неправдоподобным, действующим не столько в соответствии с реальными обстоятельствами и велением собственного характера, сколько по указке своего создателя. Еще меньшей эстетической полнотой обладают выделенные автором в системе персонажей Худ Мамуков и Махуд, а Муталиб, Хамзат, Азамат, Лидхан изображены эскизно, не исследованы как индивидуальности. Об уполномоченном обкома партии Огулове можно говорить, что это, скорее, персонифицированная функция, нежели живой образ.

8. Такой важный факт биографии главного героя историко-революционного романа как вступление в Коммунистическую партию не может обходиться простым упоминанием, его следовало раскрыть полно. И он представил бы обретенные героем новые качества борца за переустройство мира, его идейный рост и снял бы многие возникающие вопросы.

9. В силу обозначенных причин «Пробуждение гор» отвечает не всем требованиям классического романа.

Абхазский писатель Иван Папаскири, имея в виду недочеты как собственных произведений, так и собратьев по перу, предупреждал: «Исследователь не должен избегать освещения всех сторон того пути, который прошла абхазская литература... Однако ее нельзя механически сравнивать со зрелыми литературами и оценивать ее недостатки с точки зрения предъявляемых требований последним. *Необходимо знать и учитывать, что они послужили своеобразным*

фундаментом, на котором сформировалась национальная литература. Поэтому, даже если с сегодняшней точки зрения они выглядят слабыми, все же нужно учесть ту неоценимую роль, которую эти произведения сыграли для последующего литературного процесса» [Папаскири 1977: 166]. (Выделено нами. – П.Ч.)

И нам не следует забывать об этом предостережении.

Мы осознаем, что с позиции современности значительная часть абазинской прозы и поэзии 1930–60-х гг., в том числе и рассмотренный роман Х.Д. Жирова, имеет в основном историко-литературное значение. Но практически каждое из этих произведений в свое время несло с собой определенные завоевания, прокладывало новые шаги в освоении действительности, реалистических традиций, изображении характеров и событий, тем самым внося посильный вклад в становление национальной литературы. Без той предварительной работы, не лишенной изъянов и недостатков, не пройдя естественных болезней роста, абазинская словесность не обрела бы эстетической дееспособности. Факты культуры действительно нужно рассматривать в их историко-культурном контексте, не вырывая их из него. И потому мы принимаем основные положения литературоведа В.Б. Тугова о «Пробуждении гор», изложенные в монографии «Очерки истории абазинской литературы» [Тугов 1970: 143-154] и в предисловии к переводному изданию романа [Тугов 1982: 3-11]. Их суть сводится к следующей общей оценке: «Роман Х. Жирова “Пробуждение гор” явился значительным достижением молодой абазинской литературы. Он воссоздал один из самых сложных периодов в истории народа; в нем выведены и надолго запоминающиеся самобытные образы, нарисованы жизнь и быт людей эпохи коллективизации» [Тугов 1982: 10].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Воробьева 1978 – Воробьева Н. Принцип историзма в советском романе // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. – М.: Наука, 1978. – С. 350-389.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 6 – Государственный архив Карачаево-Черкесской республики. Несколько слов о работе абазинской литературной секции. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 6. Л. 3-4.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 9 – Государственный архив Карачаево-Черкесской республики. План работы Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей на июнь 1958 г. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-2.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2 – Государственный архив Карачаево-Черкесской республики. Протокол № 3 собрания абазинской литературной группы от 27 мая 1961 г. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 27-34 – Государственный архив Карачаево-Черкесской республики. Рецензия на рукопись повести Х. Жирова «Новая борозда». Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 27-34.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 34-39 – Государственный архив Карачаево-Черкесской республики. Рецензия на рукопись повести Х. Жирова «Новая борозда». Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 34-39.

Жиров 1959 – Жиров Х. На перекрестке дорог // Пламя гор. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – С. 28-33.

Жиров 1962 – Жиров Х. Пробуждение гор. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1962. – 256 с.

Жиров 1982 – *Жиров Х.* Пробуждение гор / Перевод с абазинского Михаила и Эрнста Эдель. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1982. – 176 с.

Папаскири 1977 – *Папаскири И.* Рассказы бабушки и другие. – Сухум: Алашара, 1977. – 230 с.

Предисловие 1959 – *Предисловие к публикации фрагмента из повести Х. Жирова «На перекрестке дорог»* // Свет коммунизма. – 1959. – 3 января. – С. 4.

Султанов 1989 – *Султанов К.К.* Динамика жанра. Особенное и общее в опыте современного романа. – М.: Наука, 1989. – 152 с.

Султанов 2019 – *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.

Тугов 1970 – *Тугов В.Б.* Очерки истории абазинской литературы. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1970. – С. 143 – 154.

Тугов 1982 – *Тугов В.Б.* Революцией мобилизованный... // *Жиров Х.* Пробуждение гор / Перевод с абазинского Михаила и Эрнста Эдель. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1982. – С. 3-11.

Хайлов 1978 – *Хайлов А.* Роман в типологии повествовательных жанров // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. – М.: Наука, 1978. – С. 320-349.

Чекалов 2018 – *Чекалов П.К.* Микаэль Чикатуев. Жизнь и творчество: очерки, статьи, интервью, воспоминания. – Карачаевск: КЧГУ, 2018. – 196 с.

Чикатуев 1962 – *Чикатуев М.* Писатель, отвечающий желаниям сердца // *Жиров Х.* Пробуждение гор. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1962. – С. 252-254.

Чмыхов 1982 – *Чмыхов Л.М.* Писатель и история. О советском историческом романе 60 – 70-х годов. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1982. – 191 с.

REFERENCES

VOROBYOVA N. *Printsip istorizma v sovetskom romane* [The principle of historicism in the Soviet novel] // Soviet Roman. Innovation. Poetics. Typology. – М.: Science, 1978. – P. 350 – 389. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. A few words about the work of the Abaza literary section. F. No. 362, In. 1, Case 6. – P. 3 – 4. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. The work plan of the Karachay-Cherkess branch of the Writers' Union for June 1958. F. No. 362, In. 1, Case 9. – P. 1 – 2. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Protocol No. 3 of the meeting of the Abazin literary group dated May 27, 1961. F. No. 362, In. 1, Case 49. – P. 1 – 2. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Review of the manuscript of the story of H. Zhironov «New furrow». F. No. 362, In. 1, Case 49. – P. 27 – 34. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Review of the manuscript of the story of H. Zhironov «New furrow». F. No. 362, In. 1, Case 49. – P. 34 – 39.

ZHIROV H. *Na perekrestke dorog* [At the crossroads of roads] // Flame of the mountains. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – P. 28 – 33. (In Russ.).

ZHIROV H. *Probuzhdeniye gor* [Awakening of the mountains]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1962. – 256 p. (In Russ.).

ZHIROV H. *Probuzhdeniye gor* [Awakening of the mountains] / Translation from Abazinsky Mikhail and Ernst Edel. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol Book Publishing House, 1982. – 176 p. (In Russ.).

PAPASKIRI I. *Rasskazy babushki i drugiye* [Grandma's stories and others]. – Sukhum: Alashara, 1977. – 230 p.

Predisloviye k publikatsii fragmenta iz povesti H. Zhirova «Na perekrestke dorog» [The preface to the publication of a fragment from the story of H. Zhirov “At the crossroads of roads”] // Light of communism. – 1959. – January 3. – P. 4. (In Russ.).

SULTANOV K.K. *Dinamika zhanra. Osobennoye i obshcheye v opyte sovremennogo romana* [The dynamics of the genre. Special and general in the experience of a modern novel]. – M.: Nauka, 1989. – 152 p. (In Russ.).

SULTANOV K.K. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyy aspekt* [The angle of refraction. Literature and identity: communicative aspect]. – M.: IMLI RAS, 2019. – 352 p. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Ocherki istorii abazinskoy literatury* [Essays on the history of Abazin literature]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol Book Publishing House, 1970. – P. 143 – 154. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Revolutsiyey mobilizovanny...* [The revolution is mobilized...] // Zhirov H. *Awakening of the mountains* / Translation from Abazinsky Mikhail and Ernst Edel. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol Book Publishing House, 1982. – P. 3 – 11. (In Russ.).

KHAILOV A. *Roman v tipologii povestvovatel'nykh zhanrov* [Roman in the typology of narrative genres] // Soviet Roman. Innovation. Poetics. Typology. – M.: Science, 1978. – P. 320 – 349. (In Russ.).

CHEKALOV P.K. *Mikael' Chikatuyev. Zhizn' i tvorchestvo: ocherki, stat'i, interv'yu, vospominaniya* [Michael Chikatuev. Life and creativity: essays, articles, interviews, memories]. – Karachayevsk: KCHU, 2018. – 196 p. (In Russ.).

CHIKATUEV M. *Pisatel', otvechayushchiy zhelaniyam serdtsa* [Writer, who meets the desires of the heart] // Fat H. *Awakening of the mountains*. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1962. – P. 252 – 254. (In Russ.).

CHMYKHOV L.M. *Pisatel' i istoriya. O sovetskom istoricheskom romane 60 – 70-kh godov* [Writer and history. About the Soviet historical novel of the 60s-70s.]. – Stavropol: Stavropol Book Publishing House, 1982. – 191 p. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.